

Джоанна Линдсей

*Скажи,
что любишь*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Мини-Шарм: Лучшее»

Johanna Lindsey
SAY YOU LOVE ME

Перевод с английского *М. Гугова*

Компьютерный дизайн *С. Озеровой*

Печатается с разрешения автора,
издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Скажи, что любишь : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. М. Гугова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Мини-Шарм: Лучшее).

ISBN 978-5-17-093576-5

Хрупкая, неопытная Келси Лэнгтон решила погубить себя — продаться первому же мужчине, готовому заплатить долги, нависшие угрозой разорения над ее семьей. Но не грубого и циничного содержателя обрела девушка в лорде Дерекке Мэлори, а нежного, страстного возлюбленного, на чувства которого невозможно не откликнуться. Однако злейший враг Дерекки, негодяй и садист лорд Эшфорд, поклялся, что рано или поздно Келси будет принадлежать ему...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093576-5

© Johanna Lindsey, 1996
© Перевод. М. Гугов, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers,
2016

Глава 1

Келси решила продать себя как можно дороже. Место, которому суждено было стать свидетелем сделки, выглядело вполне прилично. Девушка отметила царящую в помещении чистоту и элегантность. Гостиная, куда ее сразу же провели, могла бы украсить любой известный ей особняк. Дорогое поместье в престижном районе Лондона деликатно именовалось «Домом Эроса». Это было царство порока.

Келси Лэнгтон не могла поверить, что она уже здесь. У самых дверей ее начало подташнивать от ужаса. Между тем она пришла сюда по своей воле. Никто не затаскивал ее силой, а она не визжала и не отбивалась.

Именно это и представлялось самым невероятным. Она сама со всем согласилась... Во всяком случае, с тем, что другого выхода нет. Семья нуждалась в деньгах, причем в немалых, иначе все могли оказаться на улице.

Если бы у нее было побольше времени!.. Брак по расчету представлялся куда более приемлемым вариантом. Но дядюшка Элиот, похоже, прав. Он заявил, что ни один состоятельный человек не станет жениться впопыхах. Супружеская жизнь — дело достаточно серьезное, чтобы кидаться в нее сломя голову.

Зато любовницу мужчины заводят, повинуюсь минутному импульсу. При этом они прекрасно сознают, что любовница обходится ничуть не дешевле, а зачастую и гораздо дороже законной супруги. Существенное различие заключается в том, что от поспешно заведенной любовницы можно так же быстро и избавиться, избежав юридических проволочек и обязательного скандала.

Выход заключался в том, чтобы стать чьей-нибудь любовницей. Не женой. Келси знала многих, кто не задумываясь предложил бы ей руку и сердце; проблема заключалась в том, что никто из них не был достаточно богат, чтобы погасить долги дядюшки Элиота. Несколько юных красавцев ухаживали за ней в Кеттеринге еще до того, как случилась трагедия. Единственный человек с приличным достатком женился на своей дальней родственнице.

Все произошло очень быстро. Накануне вечером она спустилась на кухню, как всегда делала перед сном, чтобы согреть себе молока. Молоко помогало быстрее уснуть. Сон стал для Келси проблемой с того момента, когда она и сестренка Джин перебрались к тете Элизабет.

Бессонница не имела никакого отношения ни к тете, ни к жизни в новом доме. Элизабет была единственной сестрой их матери и любила своих племянниц, как родных дочерей; добрая женщина встретила девушек с расprostертыми объятиями и окружила вниманием и заботой, в которых они так нуждались. Нет, причина бессонницы заключалась в другом: Келси терзали кошмары, яркие воспоминания и навязчивая мысль, что она могла предотвратить трагедию.

Несколько месяцев назад тетушка наконец заметила темные круги под глазами Келси. Тогда же

она и порекомендовала племяннице пить перед сном теплое молоко.

Молоко действительно помогало... в большинстве случаев. Оно стало ежевечерним ритуалом; обычно Келси никого не тревожила, поскольку в это время кухня уже была пуста. Но прошлой ночью...

Прошлой ночью на кухне оказался дядюшка Элиот. Вместо позднего ужина перед ним стояла бутылка виски. Келси никогда не видела, чтобы он выпивал более одного стакана вина, официально разрешенного тетей Элизабет к обеду.

Тетя относилась к выпивке осуждающе, и в доме, естественно, крепких напитков не держали. Как бы то ни было, Элиот где-то раздобыл бутылку и уже успел ее наполовину прикончить. Это подействовало на дядюшку самым невероятным образом. Он плакал. Тело его сотрясали беззвучные рыдания, плечи жалобно вздрагивали, а из глаз на стол капали слезы. «Неудивительно, — подумала Келси, — что тетя Элизабет не держит в доме алкоголя...»

Но как ей предстояло вскоре узнать, отнюдь не спиртное явилось причиной такого горя. Повернувшись спиной к двери и пребывая в полной уверенности в том, что никто его не потревожит, дядюшка собирался уйти из жизни.

Позже Келси нередко задумывалась, хватило бы ему мужества довести свой замысел до конца, если бы она в тот вечер незаметно удалилась. Он никогда не производил впечатления отважного мужчины. Обыкновенный общительный и жизнерадостный человек. Но именно появление племянницы подсказало дядюшке выход из свалившихся на него проблем. Ни при каких других обстоятельствах он не пришел бы к такому решению и уж совершенно точно — ничего подобного не пришло бы в голову Келси.

— Что случилось, дядя Элиот? — испуганно пролепетала девушка.

Он резко обернулся и увидел застывшую в дверях племянницу. На ней был ночной халат с высоким воротником, в руках она держала лампу, которую всегда брала с собой, когда отправлялась на кухню. Элиот не сразу пришел в себя. Затем голова дядюшки снова свалилась на руки, и он забормотал что-то неразборчивое, так что ей пришлось несколько раз переспрашивать.

Слегка приподняв голову, дядюшка произнес:

— Уходи, Келси, не надо, чтобы ты видела меня в таком состоянии.

— Все в порядке, — мягко ответила она. — Может, мне стоит сходить за тетей Элизабет?

— Нет! — вырвалось у него так резко, что Келси вздрогнула. Уже спокойнее дядюшка добавил: — Она не любит, когда я выпью... и... она ничего не знает.

— Не знает, что вы пьете?

Он медлил с ответом, но Келси решила, что именно это дядюшка и имел в виду. Членам семьи было известно, что дядюшка готов пойти на любые крайности, лишь бы уберечь жену от расстройств.

Элиот — крупный мужчина с резкими чертами лица и почти полностью поседевшими к пятидесяти годам волосами — никогда не отличался привлекательностью, даже в молодости, тем не менее Элизабет, более красивая из сестер, вышла за него замуж. Насколько было известно Келси, тетя до сих пор испытывала к мужу нежные чувства. За двадцать четыре года совместной жизни детей у них так и не появилось, может быть, поэтому тетушка Элизабет так любила племянниц.

Однажды мать обмолвилась, что тетя Элизабет

и дядя Элиот много раз пытались завести ребенка, но ничего не вышло.

Конечно, Келси не полагалось слушать подобные разговоры, однако мама не сообразила, что она стоит достаточно близко. Келси много чего довелось услышать за свою жизнь. Как сокрушалась мама по поводу того, что Элизабет вышла за Элиота, простака без гроша за душой, в то время как за ней толпами бегали богатые красавцы... А Элиот, кроме всего прочего, занимался торговлей.

Но это касалось исключительно Элизабет. Она всегда была защитницей невезучих, что, очевидно, и повлияло на ее выбор. А может, и нет. Мама частенько говаривала, что любовные поступки не поддаются объяснению, а сама любовь неподвластна ни логике, ни даже воле человека.

— ...Не знает, что мы разорены.

Келси растерянно сморгнула, ибо с того момента, когда она задала свой вопрос, прошло уже много времени. Подобного ответа девушка не ожидала. По правде говоря, она с трудом могла этому поверить. Дядюшкино пристрастие к выпивке вряд ли могло послужить причиной крушения семьи. Келси не раз наблюдала, как многие джентльмены, равно как и леди, напивались на вечерах, которые ей довелось посещать. Поэтому она решила ему не перечить.

— И вы, значит, устроили небольшой скандал?

— Скандал? — Теперь растерялся дядя. — Да, конечно, скандала не избежать. Элизабет никогда не простит мне то, что у нас заберут дом.

Келси обомлела, но в очередной раз сделала неверный вывод:

— Вы проиграли дом?

— Нет, с чего бы я стал делать такие глупости? Думаешь, я хочу закончить, как твой отец? А может,

мне и впрямь стоило попробовать... Был бы хоть малейший шанс на удачу. А теперь нет даже его.

Келси окончательно растерялась и смутилась. Напоминание о грехах отца, а также о том, к чему они привели, заставило ее густо покраснеть.

Дядюшка Элиот, похоже, этого не заметил, и девушка промолвила:

— Я ничего не понимаю, дядя. Кто и почему должен забрать этот дом?

Он снова уронил голову на руки; стыд не позволял ему смотреть Келси в глаза. Тихим голосом дядюшка начал свой рассказ. Ей приходилось наклоняться и с отвращением вдыхать перегар виски, иначе она просто не разобрала бы большей части повествования. Под конец Келси не могла вымолвить ни слова.

Все было хуже, гораздо хуже, чем она только могла представить, более того, все поразительно напоминало случившееся с ее родителями, хотя их реакция была совершенно противоположной. Но Элиот не обладал достаточной силой воли, чтобы принять удар, затянуть пояс потуже и начать все сначала.

Восемь месяцев назад, когда Келси и Джин переехали жить к тете Элизабет, она была слишком потрясена утратой родителей, чтобы обращать внимание на что-либо еще. Ей даже не пришло в голову задуматься, почему дядя Элиот почти все время проводит дома.

Теперь выяснилось, что тетя с дядей посчитали лишним ставить племянниц в известность о том, что дядя Элиот потерял работу, на которой держался двадцать два года, и теперь не в состоянии найти ничего нового. Между тем они продолжали жить так, словно ничего не произошло. И даже взяли в дом два

лишних рта, в то время как сами едва сводили концы с концами.

Келси не сомневалась, что тетя Элизабет даже приблизительно не знала размера их долга. Элиот жил в долг, что было обычной практикой в среде мелкопоместных дворян. Но столь же обычной практикой являлась и расплата с кредиторами, прежде чем дело попадет в суд. Не имея никаких источников дохода, Элиот делал все новые и новые долги. Наступил момент, когда обратиться было уже не к кому. Положение стало безвыходным.

Нависла угроза над домом тети Элизабет, принадлежавшим нескольким поколениям семьи Келси. Тетя Элизабет унаследовала его как старшая сестра. Теперь кредиторы собирались забрать его за долги. Через три дня.

Вот почему Элиот решил напиться до бесчувствия, надеясь, что опьянение придаст ему решимости покончить с жизнью. Того, что должно было произойти в течение ближайших дней, он вынести не мог. Он был обязан обеспечить своих близких, во всяком случае, жену. А вместо этого...

Разумеется, самоубийство — не выход из создавшегося положения. Келси содрогнулась от ужаса, когда представила, как тяжело было бы тете вынести одновременно и похороны, и потерю имущества. Они с Джин уже пережили одно выселение. Однако в тот раз им было куда идти. Сейчас... Келси просто не могла этого допустить. Теперь ответственность за сестру несла она. Она отвечала за правильное воспитание Джин и за нормальную крышу над ее головой. А значит...

Келси не могла вспомнить, как зародилась идея выставить ее на аукцион любовниц. Кажется, Элиот первым упомянул о том, что не раз думал, как бы

повыгоднее отдать ее замуж, но так долго оттягивал разговор, что время уже ушло. Вопрос требовал серьезного подхода и за три дня не решался.

Возможно, язык дядюшки развязался под действием виски; так или иначе, Элиот продолжал бубнить и поведал племяннице историю своего друга. Много лет назад с ним приключилось такое же несчастье. Он должен был потерять все, но его дочь спасла семью, продав себя старому распутнику, который выложил за ее девственность хорошие деньги.

Затем, не переводя дыхания, Элиот вспомнил старого приятеля, у которого он пытался выяснить, не заинтересует ли его молодая невеста. Ответ был таков: «С женитьбой ничего не выйдет, а вот от новой любовницы я не откажусь. Приплачу тебе несколько фунтов, если она захочет...»

Таким образом от жен разговор перешел на любовниц и на то, как хорошо готовы платить состоятельные лорды за свеженькую девушку, которой могли бы похвастать перед друзьями.

Дядюшка умело заронил семя, намекнув Келси на возможный выход из положения и не попросив напрямую о жертве. Разговор о любовницах и без того поверг ее в шоковое состояние. Но еще больше девушку тревожило положение в целом и, главное, как это все повлияет на Джин. Келси с отчаянием поняла, что шансы сестры на достойное замужество могут запросто свестись к нулю.

Возможно, ей и удастся найти работу, однако ее жалование вряд ли позволит им вырваться из нищеты, тем более что теперь на Келси ляжет забота о всей семье. Она не могла представить, чтобы тетя Элизабет стала где-нибудь работать, а дядюшка Элиот наглядно продемонстрировал свое ничтожество и доказал, что полагаться на него нельзя.

Именно видение просящей милостыню сестренки и побудило Келси прошептать окаменевшими от ужаса губами:

— Знаете ли вы человека, который согласился бы... хорошо заплатить, если я стану его любовницей?

Элиот встрепнулся. Казалось, с души его свалилось огромное бремя.

— Нет, такого человека я не знаю, но в Лондоне есть дом, который посещают состоятельные господа. Там тебе могут предложить хороший выбор.

Келси застыла, все еще сомневаясь в правильности своего решения. От волнения ее слегка подташнивало, и все же другого выхода, похоже, не существовало. Элиота прошиб пот, прежде чем она согласно кивнула.

Он тут же принялся успокаивать племянницу, как будто что-то еще могло ее успокоить.

— В этом нет ничего плохого, Келси, поверь мне. Женщина может заработать таким образом приличные деньги, а потом, если у нее достанет сообразительности, остановиться... и даже выйти замуж, если ей того захочется.

В его словах не было ни капли правды, и они оба это знали. Подобный поступок напрочь перечеркивал для Келси возможность удачного замужества. Позорное пятно будет лежать на ней до конца жизни, навсегда закроет путь в приличное общество. Но в этом случае по крайней мере у сестры может быть достойное будущее.

По-прежнему пребывая в шоковом состоянии, Келси с трудом произнесла:

— Сами расскажете обо всем тете Элизабет.

— Нет! Нет! Она не должна ничего знать. Она никогда этого не допустит. Уверен, ты сумеешь придумать разумную причину своему отсутствию.

Как? Ей придется заботиться и об этом тоже? Когда она с трудом заставляет себя осмыслить весь ужас ее нынешнего положения?.. Келси захотелось самой допить стоящую на столе бутылку виски.

Пришлось придумать следующее. Келси объявила тете Элизабет, что получила письмо от подруги из Кеттеринга: Анна очень серьезно заболела. Доктора не надеются на благоприятный исход. Разумеется, Келси должна ехать ухаживать за подругой. Сопроводить ее вызвался дядюшка Элиот.

Элизабет ничего не заподозрила. Бледность Келси объяснялась тревогой за подругу. И даже Джин, благослови ее Господь, не стала донимать сестру расспросами, поскольку не знала подруги с таким именем. С другой стороны, Джин сильно повзрослела за прошедший год. Семейные трагедии обладают свойством прерывать детство, иногда насовсем. В какой-то момент Келси захотелось, чтобы ее двенадцатилетняя сестренка о чем-нибудь ее спросила. Однако Джин все еще пребывала в трауре.

Но как объяснить, что из Кеттеринга она уже не вернется? Об этом надо будет думать потом. Неизвестно, доведется ли ей вообще еще раз увидеть сестру и тетю Элизабет. Осмелится ли она на такое, если вскрыется правда? Келси знала только одно: с этого момента все для нее пойдет по-другому.

Глава 2

— Идемте, дорогая, пора.

Келси устала сидеть на высоком тощего человека, стоявшего в дверях. Ей велели называть его Лонни. Это было единственное имя, которое ей называли вче-

ра, в момент передачи. Он являлся владельцем дома и должен был продать ее по наивысшей цене.

Ничто в облике Лонни не указывало на плотоядного греховодника. Он одевался как обычный джентльмен. Приятно выглядел. Изъяснялся вежливо, во всяком случае, при дядюшке Элиоте. Правда, как только дядюшка уехал, речь Лонни утратила изысканность, что свидетельствовало о его истинной сути. Как бы то ни было, он по-прежнему оставался заботлив и внимателен.

Он объяснил Келси, что за нее будут заплачены огромные деньги. Условия договора не позволяют ей разорвать отношения по собственной воле. Купивший ее господин получает гарантию, что за свои деньги он будет пользоваться девушкой, пока ему не надоест.

С последним ей пришлось согласиться, хотя это походило на рабство. Келси предстояло жить с человеком, независимо от того, нравится он ей или нет, хорошо он с ней обращается или плохо, до тех пор, пока он сам не потеряет к ней интерес.

— А если я все-таки порву отношения? — осмелилась она на вопрос.

— Думаю, дорогуша, вы не обрадуетесь, когда узнаете, что произойдет в этом случае. — От тона собеседника Келси стало не по себе. Затем он добавил уже спокойнее, словно она заранее знала все подробности: — Я выступаю гарантом всех заключенных через меня сделок. И не могу допустить, чтобы моя репутация пострадала из-за каприза девчонки, которой вдруг разонравились условия контракта. Если бы такое происходило, у меня не осталось бы ни одного клиента.

— И много вы уже совершили сделок?

— Это четвертая. Большинство попавших в аналогичную ситуацию людей успевают вовремя выдать своих дочек за богатых господ и таким образом ре-

шают свои материальные проблемы. К сожалению, ваш дядюшка не сумел вас выгодно пристроить. На мой взгляд, на любовницу вы не тянете.

Келси не знала, воспринимать ли это как комплимент или как оскорбление, и ответила просто:

— Дядюшка объяснил, что для устройства женьбы у нас не оставалось времени.

— Да, но все равно жаль. Ладно, пора спать. Завтра вечером вас представят. Мне еще надо разослать уведомления господам, которых это дело может заинтересовать. Одна из моих девушек одолжит вам подходящую для такой встречи одежду. Любовница должна походить на любовницу, а не на сестру. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. — При этом он окинул ее критическим взглядом. — Ваш ансамбль смотрится вполне прилично, дорогая, но он больше подходит к вечернему чаепитию в саду. А может, вы привезли одежду с собой?

Келси пришлось отрицательно покачать головой. Ее по-настоящему смутило то, что она, оказывается, похожа на... леди.

Лонни вздохнул.

— Ладно, что-нибудь придумаем, не волнуйтесь. — С этими словами он проводил ее из гостиной в комнатку наверху, где ей предстояло провести ночь.

Как и весь дом, комната была обставлена со вкусом, и Келси вежливо произнесла:

— Очень мило.

— А вы ожидали увидеть нечто вульгарное? — Лонни улыбнулся, прочитав ее мысли. — Я выдерживаю стиль, дорогуша. Давно доказано, что люди охотнее расстаются с деньгами, если это происходит в привычной обстановке. — Он рассмеялся. — Низшие сословия не в состоянии оплачивать мои услуги. Их денег не хватает даже на то, чтобы переступить порог.

— Понятно, — пробормотала Келси, хотя на самом деле окончательно запуталась. Она слышала, что мужчины готовы заниматься этим в любом месте. Доказательством сему служило множество заведений с дурной репутацией, разбросанных по всему Лондону. Похоже, ей просто довелось попасть в дорогое место.

Прежде чем оставить ее одну, Лонни еще раз подчеркнул:

— Надеюсь, вы в самом деле понимаете суть заключаемого вами соглашения и то, чем оно отличается от подобных сделок?

— Да.

— И то, что лично вы не получите ничего, кроме тех подарков, которые пожелает сделать вам ваш любовник?

Келси кивнула, но Лонни, очевидно, хотел полной ясности.

— Мы начнем с суммы, необходимой для погашения долгов. Ее получит ваш дядя. Все, что сверху, делится между ним и мною, как организатором сделки. Вы не получите ни пенни.

Келси знала условия и неустанно молилась, чтобы за нее заплатили побольше. Семья должна на что-то жить, пока дядюшка не найдет новую работу. В противном случае ее жертва будет означать лишь временную отсрочку катастрофы. По дороге в Лондон Элиот клятвенно обещал ей устроиться на работу.

Между тем Келси тревожил размер дядюшкиного долга, и она поинтересовалась:

— Вы в самом деле считаете, что найдутся люди, которые заплатят такую сумму?

— О да! — уверенно ответил Лонни. — А на что еще им тратить свои тысячи? Скачки, женщины и карты — вот главные статьи расходов наших набо-